

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ДНЕВНИКЕ СОЧИНЦА А.З. ДЬЯКОВА (Продолжение)

Реконструкция картины повседневной жизни советского общества в годы Великой Отечественной войны невозможна без введения в научный оборот такой малочисленной, но, очевидно, незаменимой для решения подобного рода задач группы источников, как дневники обычных людей, «среднестатистических» советских граждан. Дневниковые записи обычно велись в достаточной мере образованными, чуткими к собственным переживаниям и общественным настроениям людьми. К их числу принадлежал сочинец Александр Зиновьевич Дьяков, который начал свой дневник на волне эмоционального подъема первых дней войны (для этого наскоро сшил тетрадь из кусков обоев) и продолжал его с большой систематичностью на протяжении двух с половиной лет.

Александр Зиновьевич Дьяков (1892—1959 гг.) происходил из терского казачества, участвовал в Первой мировой войне. В 1918 г. — член военной секции Пятигорского казачьего Совета, делегат 1—5 съездов народов Терека, член Терского народного Совета (с января 1918 г.), председатель казачьей фракции Совета (с июля 1918 г.), редактор газеты «Терский трудовой казак». Участвовал в разгроме бичераховщины в Георгиевске. С сентября 1918 г. председатель Военно-революционного совета станиц Сунженской линии, организатор и командующий «Советскими войсками Сунженской линии». С января 1919 г. член комитета обороны Терской области. В декабре 1919 — марте 1920 гг. начальник штаба и председатель партийного комитета повстанческого Дербентского фронта. В 1919 г. награжден орденом Красного Знамени. В дальнейшем А.З. Дьяков находился на партийной работе, в 1937 г. пережил «клевету». К началу Великой Отечественной войны он заведовал технической библиотекой на узловой железнодорожной станции Сочи.

Настоящая публикация позволяет дать еще более полную версию дневника. Авторский стиль и манера написания по возможности сохранены, пунктуация выправлена в соответствии с современными требованиями. Сокращенные места отмечены многоточием, взятым в угловые скобки. Вставки отдельных слов произведены в соответствующем месте в тексте документа.

Сведения об авторе:

Тажиудинова Ирина Геннадьевна,
канд. ист. наук, доцент кафедры социологии
КубГУ (Краснодар).

ДНЕВНИК А.З. ДЬЯКОВА
30 июня 1941 г. – 31 декабря 1943 г., 9 мая 1945 г.

1 января 1942 г.

Новый Год – радио сообщило о взятии гор. Калуги нашими войсками. <...>

С похмелья слегка ломит голова... Как другие пьют водку часто? Так до 50 лет я не научился пить, конечно, об этом я не жалею. <...>

Вечером подбил итоги за год по библиотеке:

1. Посетило всего = 7354 чел.
2. Читателей постоянных = 572 чел.
3. Выдано книг = 8706, в т.ч. техн.=2062 (мало)
4. Выдано в сред[нем] на читателя = 15 книг.

2 января 1942 г.

<...> Электричества нет. Что-то часто приходится сидеть без света, сегодня всю ночь с 24 ч. нет света. Днем тоже не бывает. Рассказывает Паня, что когда бы ни пришла в кабинет физиотерапии (больница Кр. Крест), все нет света – приходится уходить без процедур, а болезнь с этим не считается. Это умышленно делается – ведь светом лечат и тысячи раненых красноармейцев в госпиталях. <...>

Дома Паня рассказала, что у ней были днем Нина Лысенко и Женя Немец. Собрались все больные – сердце, ишиас, по женским делам – и горько плакали, обсуждая свое положение. Женя обиделась на своего мужа, что он под Новый год сидел в обнимку с соседкой Ниной – всегда улыбающейся, голосистой, с ямочками на щеках, а на самом деле муж ее вместе с другими сидели на своих стульях и подтягивали песню, помогая Нине исполнять какой-то романс. На этом семейном вечере не было обстановки, чтобы вызвать ревность. Нина Лысенко – высокая, с орлиными глазами, когда-то стройная, вероятно, красивая, сейчас, имея 2-х ребят, скорчилась, клянет жизнь, часто ругает мужа. Вместе с моей Паней, желающей сохранить свое слабое здоровье, обошли всех врачей поликлиники, приняв десятки процедур и сотни грамм различных лекарств, решили теперь посетить частного врача на дому. По словам других и по слухам, это не врач, а «Николай Угодник», который обещает их вылечить своими средствами и методом, что будет стоить не менее 300 руб. Застал я Паню в раздумье, плачущую, которая, озираясь, боится сказать о своем намерении лечиться у частника, думая, что я ей не позволю. Ну как же можно возражать этому, я бы не знаю, что бы сделал, если бы была гарантия, что Паню этот врач поднимет на ноги. Пусть попробует...

4 января

<...> Паня ушла к врачу-частнику – перед этим поплакала о том, что частник требует за лечение 300 руб., а у нас нет запасов и зарплата малая. Здоровье же ее требует лечения энергичного – малокровие у нее: до 62 % гемоглобин. Кроме того, ишиас и осложнение по женским после старого аборта. Поликлинические врачи не смогли за 6 месяцев сделать даже правильного диагноза – частник же ручается вылечить. Просит Паня, чтобы я пошел поговорил с врачом, может он «уступит» – мне показалось неудобным идти и говорить на эту тему – я посоветовал Пани заплатить 300-250 р. и не хныкать, лечиться упорно – это лучше, если будет здорова, дороже 300 руб. <...>

Получил номер газеты «Красное знамя сегодня», а в нем указ Президиума Верховного Совета «О военном налоге». По подсчету, с меня причитается 240 р., да с Пани – 100 руб. Почти вся зарплата уходит на удержание: алименты сыну – 100 р., матери – 20 р., заем – 30 р., однодневный заработок – 12 р., лотерея – 15 р., квартира – 15 р. Итого удержаний обязательных = 192 руб. из 301 рубля зарплаты – остается = 109 р., а в получку = 54 р. Если бы не пенсия, жить невозможно. Сейчас еще военный налог с меня 30 р., с жены 8 р. = 38 р. из 109 руб. Остается на руки 71 рубль, а в получку т.о. = 35 руб. Пенсия 200 руб., из коей вычитается 20 р. заем, 5 р. лотерея, остается =175 р. + от зарплаты 71 р. Всего на жизнь на двоих человек 246 руб. Если учесть, что лечение жены обойдется до 30 руб. в месяц, остается = 216 р. 216 р. [разделить на] 30 дней = 7 р. 20 к. в день на питание, одежду и культуру... Да, ничего не поделаешь – война! Нужны жертвы, нужна скромная жизнь. Правда, для скром-

ной жизни в Сочи необходимо на двоих не менее 12 руб., покупая на базаре, у нас же – 7 р. 20 к. – значит, надо туго затянуть ремень пояса. <...>

14 января

<...> Все же общее впечатление таково, что немцы упорно обороняют занятые ими города и районы, применяя каверзные методы и приемы. <...> Где же 2-й фронт?..

15 января

<...> Перед уходом на работу взглянул в зеркало и заметил много, чего не видел раньше. Как будто годы я не видел себя: борода седая, брови с проседью, под бровью какая-то белая родинка выросла, на зубах камень пожелтелый. Но все же еще молод на вид для 50 лет. Волосы на голове черные, без седины, зубы все целые – только 2 запломбир[овано]. Да, взгрустнулось – время идет. Не заметил, как постарел, а жизни не видел. Только было успокоились – война, а до нее <...> не перечесть страданий и ненормальной жизни. Единственная мысль – отдохнуть последние годы после войны. Старость меня не беспокоит – даже радуется – не знаю, почему такая радость...

16 января

<...> Вчера Паня сообщила бабье «информбюро» – известие о том, что Мара помирилась со своим и что они провели ночь, как было в первую брачную. Она довольна. Женя еще не помирилась, дуется на своего и собирается весной уехать к матери в Махачкалу. Причин у ней нет к этому – что груб в обращении Павел – но он не обижает никогда.

Только утром сегодня заметил, что в комнате у нас изменилось. Паня вчера поработала достаточно, высушила белье, выгладила и прибрала в комнате – чисто и уютно, на столах белые скатерти... Молодец, она говорит, что в военный период надо еще больше проявлять «чистоту и культуру», чтобы не иметь случаев эпидемий. <...>

18 января

Воскресенье – я выходной. Пошел на базар, но там почти ничего нет. Один огурец стоит 40–50 коп., чернослив сушеный – 14–15 руб., лук – 6 руб. кило, курица – 40 руб., гусь – 50–60 р. Купил пять огурцов, десяток зеленого перца в стручках, горького. В мясолавке купил пирожков с мясом по 75 к., простоял в очереди 65 мин. К завтраку Паня поджарила картошки с колбасой. Позавтракали, как в довоенное время, – остро и хорошо. Завтрак обошелся на двоих в 4 рубля. Обед, по приблизительным подсчетам, стоит 4 рубля. Вечером чай–ужин стоит 2 рубля. Итого 10 рублей.

Сегодня вновь возникла мысль о поездке в совхоз работать нач[альником] политотдела – если поеду, то только в Орджоникидзевский край или туда же на партработу. Надо написать письмо в крайком. Паня тоже высказалась за поездку – жаль все же оставлять благодатный берег Сочи – климат и квартира – лучше пожелать нельзя, но работы нет. Если пенсию не дадут в 1942 г., то зав. библиотекой меня зарплата не удовлетворит. <...>

25 января

Надо к одному плакату Толика Шлапак сочинить слова на тему «Гитлер бродит по Европе». Нет, надо изменить тему картины так: «Гитлер в кругу друзей» и подписать: прихвостни белофинны, венгерские лизоблюды, Муссолини – душечка любезная...

Текст:

О, други, сжальтесь, умоляю,

помочь удрать от москвича!

Я вам за это обещаю –

Арийский трон и палача...

Все же это не пойдет. Он еще имеет возможность сам удрать без помощи.

28 января

Утро теплое и ясно солнечное. Мара прибежала за прищепками к Пане. Паня возмущается, говоря: «Почему все соседки бегают ко мне по хозяйственным «мелочам» – прищепки, кастрюли, спички? Я же ни к кому не хожу. Даже занимают у нас деньги. Все же они получают 700–800 руб. Да прикреплены к воен. и спец. торгам. Мы же никогда не занимали – и

ничего, а получаем наполовину меньше». Она права, потому что она хорошая, аккуратная и экономная хозяйка и не бессовестная. <...>

29 января

<...> Сходил на склад трансторгпит – Скляр отпустил 3 кило яч[невой] крупы (в общем, сблатовал второй раз в жизни). По карточке полагается 0,5 кило. Так почти все смелые, и люди берут все, что бывает, а особенно работники НКВД (Прищепкина, Мара и др.), несмотря на то, что они прикреплены к спец. и воен. торгам, – обжираются некоторые, как свиньи, а другие с детьми терпят нужду, а мы – парторганы – бессильны часто помочь. В частности, я прожил почти 50 лет, а смелости не имею спросить иногда вне очереди или через склад чего-либо – так-то легче на душе. <...>

1 февраля

Я выходной. Были с Паней на толкучке. Людей было до тысячи, но ни одной вещи, заслуживающей внимания порядочного человека: рваные парусиновые туфли – 40 руб., сапоги старые рваные – 200 р., брюки ношенные – 150 руб., белая шаль – 300 р., кожаная тужурка – 1500 р. Были на продуктовом базаре в 12 ч., но там уже не было ничего – осталось: чеснок – 35 р. кило, мелк. орех – 15 р. кило, стакан «натурального» различного вина – 4 руб. Больше ничего не было... Пошли в булочную, где простояли 2,5 часа, чтобы получить по карточкам булки. Получили на 2 дня за 1,8 кило хлеба = 14 мален[ьких] булочек ровно 900 гр. Пришли домой к 4 часам, проголодались, еще в дороге съели 3 булочки. Удивительная картина. На улице почти все чего-нибудь жуют – булки, пирожки, хлеб, орехи и т.п.

Вечером напился чаю с лимоном, кстати, в Сочи лимоны заполнили все свободные от др. продуктов полки: хороший лимон – 1 руб., 1 р. 25 к. и 52 к. маленький. Паня купила десяток, но они медленно расходятся – в зубах оскомины от них. Сахару почти ни у кого нет. На рынке – в магазинах давно нет. Нет уже варенья, повидлы – ничего сладкого. Мы вынули «военный» запас – пачку полкило – колотим и пьем – один кусочек на двоих в один раз напиток. Раньше, до войны, один я за раз употреблял 4–5 кусков, т.е. в 10 раз больше. О мясе и копченостях говорить не приходится. На днях появилась брынза – сразу расхватили, мы не смогли купить. В очереди наблюдал споры между людьми – нервные, придирчивые, хитрые, нахальные.

3 февраля

По радио передали неприятное известие – вчера наши войска в Крыму опять оставили г. Феодосию. <...>

4 февраля

<...> Болтают, что Красная Армия взяла Харьков – не верю.

6 февраля

<...> Слушал радио с напряжением, отмечая по карте войну на Тихом океане. Сволочи японцы – здорово развернули агрессию. <...> На советско-германском фронте что-то уже 3 дня не сообщают о занятии нами городов, вообще отмечается наше продвижение, но где и как?

Днем был в горкоме, хотел проконсультроваться о текущем моменте, но консультантов не оказалось, а 9/2 надо дать лекцию-беседу на эту тему семинару агитаторов.

7 февраля

<...> Пытался с утра начать готовиться к лекции для семинара агитаторов. Материала притащил домой много, но до 8.30 с 6 ч. пригнулся под бочком Панюши – читал «Над Кубанью» ч. II.

Днем составили витрину с призывами к женщинам овладевать профессиями для замены мужчин, ушедших на фронт. <...>

11 февраля

<...> Сегодня лекция на тему «Зверства фашистов в Ростове н/Дону». Читал тов. Казаченко – хорошо. После лекции я предложить почтить память жертв вставанием. Паня тоже была на лекции – ей понравилась лекция. Дома за ужином Паня сообщила, что вчера Комаров

и Шаров привезли себе уголь. И удивляется, как же они получают, когда ведь другим не дают. Да, это верно – Ванюшке Акимову за зиму мы никак не выхлопотали, двойнята мерзнут на полу, а он страдает за них, отвлекается от работы. На работе он лучший командир ДСП. Завтра надо поднять хай – разоблачить Комарова. <...>

Просматривая прошедший день, вспомнил о тов. Новосельцеве, который сегодня жил последний день – умер на рассвете, оставил семью – жена, двое детей. Работяга был – вначале грузчик (пришел на станцию из станицы – 1934 г.), затем десятником погрузочных работ. Долго болел – «язвой в желудке», которую вырезали дважды, а теперь еще приписали «туберкулез». Человек умер преждевременно – 38 лет. Недели две назад, встретившись со мной, – черный, исхудалый. Я спросил: «Как живешь?», а он ответил: «Плохо – кушать нечего. Чувствую, как сохнет желудок, а с ним и я, ... наверное, скоро «капут», как немцы говорят. Обращался к райкому союза – говорят: ничем помочь не сможем. Вот когда работал, был нужен, все покрикивали, требовали еще больше работать, хотя я работал неплохо, а когда заболел – стал никому не нужен». С таким убеждением и умер человек, оставив эту обиду в наследство своей семье – детям. Рабочие сегодня вынесли его гроб на руках – похоронили на бугорке городского кладбища, который виден из его окошка железнодорожного дома, где он когда-то жил до последних дней. И часто детишки будут посматривать в окошко и говорить: «Вон бугорок, а там наш папа».

14 февраля

Позавчера был у юриста по поводу алиментов, чтобы изменить размер. Один сын Виулен уже совершеннолетний – 29/11 исполнилось 18 лет, он уже в армии.

16 февраля

В 6 ч. радио передало о падении Сингапура – это крупнейший удар по англо-французским интересам. Ворота из Тихого океана в Индийский океан переходят в руки японцев. <...> На наших фронтах тоже заметно – фашисты сильно сопротивляются и чаще переходят в решительное контрнаступление, но безуспешно. <...>

Дома вечером тепло: Паня топила. Ужинали пончики с киселем и чай. Лег спать в 22 ч. Сегодня видать Паня настроена впервые после месячного лечения ласково. Надо ответить тем же, хотя и по-стариковски.

23 февраля

День Красной Армии. Спал до 9 часов, позавтракал каши и брынзы с редькой. Пошли пилить дрова с Паней. Комарова отказала пилу. До чего они, эти Комаровы, напоминают героев из повести Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». Живут также размеренно: по «плану» распределяют сутки. Вовремя позавтракают, пообедают и после обеда посидят час-полтора, затем попьют чайку, идут в свои «департаменты» и вызовут хозяйственника или секретаря какой-либо службы – пошумит, отечески пожурит за что-либо и отпустит с миром. И, если что, еще позвонит в трансоргпит или жене в горком – выяснит насчет блата и идет домой, откашливаясь, якобы идет с трудной работы, окончив трудовой день. Ничуть их война не коснулась. Все для них доступно: продукты, одежда, театры... Никто не спрашивает ответственности за работу...

24 февраля

Днем произошел разговор с начальником станции о приказе НКПС и постановлении комитета обороны по поводу наведения порядка на вокзалах. Я хотел прочесть своими глазами, как там говорится о пользовании буфетом, т.к. в буфет прекратили вход всем рядовым железнодорожникам, а отдельные лица пропускаются. Лысенко заявил, что документ секретный, он не может дать читать и прочел сам оба документа, где я установил, что буфетом должны пользоваться только пассажиры.

25 февраля

<...> Был в Гаграх, организовывал новую передвижку для рабочих стройучастка. На станции Гагры группа матросов в ожидании поезда бродила по станции с бутылками водки и вина, уже подвыпившие. Подойдя к буфету, выбили огромное стекло и со смехом пошли дальше. К ним никто не предъявил претензий. Отмечается бездействие милиции, которую отчасти шокируют моряки. В поезде некоторые «рубахи»-парни, как их называли, продолжа-

ли шухарить! Некоторые уселись на ступеньках, устроились в проходах и в тамбурах, затрудняя работу проводников и кондукторов. Часто в разговоре с невоенными подчеркивают: «Я моряк, понял, вот и все». Вдруг я услышал: «Ты молодой моряк, а я старый – не повышай голос, а то я тебя прижму». В это время он отвернул полу пальто, под которой блеснул орден Красного Знамени. Моряк замолк. Когда стемнело, два моряка пристали к двум женщинам и настойчиво объяснялись в любви, били себя в грудь, заявляя (один): «Я все положу, все отдам на фронте – полюби меня – поцелуй». Женщины не отталкивали, а поощрительно смеялись и шутили. Они сошли, но один потерял свою матроску, так и не нашли в темноте. <...>

26 февраля

<...> Уже 8 часов, а Паня все спит. Это хорошо, что она может еще хорошо спать: это поможет ей держаться и не болеть. Из информации газет видно: война затягивается надолго, затруднения с продовольствием. Будет еще хуже в этом году. Что-то не передают о дальнейших боях с 16 немецкой армией. Если удастся разгромить 16 армию, значит будет освобождена Октябрьская ж. дорога Москва–Ленинград. По-моему, сейчас развертываются аналогичные бои под Ленинградом, как это было под Москвой. Это вполне понятно: дальше оставаться в таком положении Ленинград нельзя. Он уже настрадался. Прибалтику надо освободить до начала навигации в Северном и Балтийском морях. <...>

В 9.30 ушел на работу, дискуссировал с Загадовым об истине. Он защищал, что имеется «одна для всех истина», безотносительно с какой классовой точки зрения рассматривать. Речь идет об истине – морали человека.

В столовой сплошное возмущение людей работой столовой.

Вечером партком. Речь была о столовой. Я возмущался обжорством отдельных лиц – Комаров, Шаров, Лысенко, Карпов и др.

27 февраля

Обедал по пути в городской столовой из 2-х блюд – лапша без картофеля и 50 грамм осетрины, 200 гр. хлеба. Уплатил 4 р. 15 к. – за эту сумму в ж. д. столовой можно бы пообедать дважды и сытнее. <...>

Сострадание при виде 3-х эшелонов с ранеными: в вагоне, как дрова, лежат босые, перевязанные, грязные, обросшие растительностью, но спокойно переносящие свои страдания – вот что значит великий русский народ ...будь проклят Гитлер! <...>

2 марта

<...> Еще раз прочел выступление Черчилля в палате общин 25/2, где он отметил героизм русских и что русские помогли Англии, дав передохнуть от тяжелого напряжения в сентябре и после, а также выразил удовлетворение тем, что правительство Англии «не поддалось настаиванию открыть фронт против немца во Франции или Голландии». Не пойму, кто же настаивал, – мы: Сталин ведь отмечал о возможности возникновения второго фронта на европейском континенте и мы все возлагали надежды на него, а теперь Черчилль рад, что этого фронта нет? <...>

4 марта

Прослушав статью профес[сора] Егорова по радио «Гоголь и родина», которая возбудила много мыслей и порыв сделать еще что-либо особенное для родины в остаток моей жизни. То, что мною сделано в первые годы революции, уже как-то отодвинулось временем далеко назад, ... я чувствую, что мог бы еще что-либо сделать. Вот Гоголь – сегодня 90 лет со дня смерти прошло, а его дела сегодня агитируют за нашу родину наших дней. <...> Чувствую тяжесть великих образов патриотизма в моих воспоминаниях, могущих быть полезными для молодежи, и замыслы широкие, облачить их в краски художественного пера, но увя, не дано мне быть тем, чем я бы мог быть... Обожду... Буду еще созерцать и впитывать как губка все, что может быть усвоено моей страждущей натурой. <...> Хочу читать Толстого «Воскресение» и «Война и мир», Горького еще не всего прочел. Да и других классиков тоже жаль: нет возможности ни читать много, ни писать хотя бы немного, ни на фронте сражаться. То, что я делаю сейчас, – это все мимоходом и очень ограничено: невежество окружающей среды руководителей не способствует использованию меня полностью как агитатора. <...>

7 марта

Паня жалуется на головокружение. Это вполне понятно: у ней и без того сильное малокровие – лечилась все мышьяковыми уколами, надо бы после этого хорошее питание, а тут трудности войны – питается хлебом да кое-что. Слухи идут, что в Центральной России и в городах Кубани еще хуже. Конечно, кто не имел запаса овощей и жиров – сейчас хана...

Что-то не пишет Виля! Где он теперь?

8 марта

Женский день. Вчера Комаров нагромоздил разных собраний, в том числе узловое собрание женщин в клубе. Пришло 28 женщин вместо 200–300 ожидавшихся. Я ему доказывал, что надо 8-го провести. <...> Все вспышки гнева плохой работой Комарова, если они доходят до горкома, гасятся там женой Комарова – инструктором по железнодорожному транспорту – «удачное сочетание» – только не для пользы дела, а секретари горкома недопонимают эту ошибку, потому что все документы, протоколы первичной парторганизации узла проходят через Комарову. В политотделе верят ему по телефону на слово без соответствующей проверки. Сообщать бесполезно: скажут, – это «преувеличение» или «склока». Да, еще нет численности у низовых руководителей.

17 марта

<...> Был в городе у суд[ебного] исполнителя по поводу алиментов. Суд[ебный] исполнитель посмотрел на копию исполнит[ельного] листа, рассмеялся: «Как же это у Вас получилось, – он спрашивает, – что в одном году, но в разные месяцы родилось два сына, один в августе, другой в ноябре?» Вот черти машинистки в управлении дороги, даже перепечатать бумагу не смогли точно: пришлось обратно отослать сегодня для перепечатывания. <...>

23 марта

<...> Хотя сегодня я взял себе выходной, но не придется личным делом заниматься, не говоря об отдыхе. Надо на всех мужчин-коммунистов дать сведения в горком о причинах освобождения от Красной Армии.

26 марта

<...> Профсоюзное собрание не состоялось, потому что в 18 ч. была воздушная тревога до 19 ч. В Туапсе бомбил враг – уже на этой неделе 4 раза. Убито и ранено до 500 чел. <...>

28 марта

<...> По радио передают, что кое-где враг пытается нажимать на наши части, но терпит поражение. Тяжелораненых из Сочи отгружали – неподходящий климат. Раненый, бывший наш весовщик, ходит по городу пьяный, был на станции, шутит, смеется и ругает санитаров, которые якобы виновны, что его ноги отмерзли: «Сидят сволочи в окопах, а мы орем, раненые, а мороз до 40 градусов – только один лейтенант с наганом заставил их вылезти из окопа. Здесь они, черти-бабы, понадевали шинели и ходят – отключили зады». <...>

29 марта

Воскресенье: я выходной. Я отправился на вокзал, где бродил бесцельно среди рабочих и болтал на разные темы. <...>

Вечером с Паней пошли по городу «чего-нибудь достать». Достали 3 белых булочки, обошли центр[альные] магазины и гастроном – кругом пусто. <...>

31 марта

<...> Зашел на вокзал, там выгружали 5-й состав раненых и ждут еще два – в Сочи госпитали уже не принимают, т.е. не вмещают, перегружены сверх плана. Коек нет, матрацев нет, недостаточно перевязочных средств. <...>

4 апреля

<...> С утра пошел в город остригся, побрился – не брился 7 дней, зарос, как лесник. Паня, было, собралась завиться, но не пошла, боясь, что в парикмахерской будет много женщин, т.к. многие готовятся к «пасхе», которую будут завтра встречать некоторые блудницы и прочие «агнцы».

8 апреля

Дождя нет, но холодно. Завтракать было нечего: кипяток с черными сухарями. В столовой – скандал. Туапсе распорядилось давать обеды только работающему лично. Рабочие тревожно спрашивают: «Чем же я буду кормить двоих-троих детей дома?» На базаре ничего нет, в магазине нет и запасов дома нет... Я предложил Комарову организовать питание для детей, но он заявил: «Возьми, обсуди на собрании женщин», – это не ответ!

Вечером Лобов сделал доклад о международном положении СССР и положении на фронтах. Лекция прошла хорошо: прекрасный лектор. В 9 ч. только закончил лектор – загудели паровозные гудки В.Т.¹

9 апреля

Солнечно и холодное утро. Дал Комарову 50 руб. на картошку, за которой обещали выехать из пассажирской службы.

Паня рассказала, что стояла в двух очередях за сырком и за солодовым молоком часа 3–4, но ничего не досталось, и она с утра ничего не ела. В очереди была драка: женщина была милиционером, он все же увел ее в милицию. <...>

11 апреля

<...> Паня написала письмо сестре Насте в Москву без точек и запятых – пришлось расставлять их.

12 апреля

Воскресенье – мой выходной, но я не смог его взять ввиду необходимости подготовиться к 13/4 – к дню выпуска военного государственного займа 1942 г. Составил витрину. <...>

13 апреля

До 8 ч. подготовил конспект доклада на собрание сегодня на тему: «Налеты вражеской авиации на г. Туапсе и ПВО² г. Сочи». В 17 ч. опублик[овано] по радио постановление Совнаркома о государственном военном займе 1942 г. К 20 часам охвачено 64,2 % раб[отников].

14 апреля

В 19 ч. я сам на станции развешивал лозунги. Весь вокзал увешан лозунгами, вывесил три монтажа из плакатов, провел беседы с [неразборч.], которые колеблются подписываться на месячный оклад. <...>

Провел покушать в буфет грузчика Харьковского. К вечеру подписка выразилась:

Охват – 120 чел. = 97,5 %

Сумма – 29.165 р. = 97,1 %

15 апреля

В 9 ч. ушел на станцию, чтобы успеть позавтракать в буфете. До сих пор воздерживался потому, что многие рабочие кушают один раз в столовке, но убедился, что в буфет проходят толпами милиционеры, командиры, конторские служащие и т.д., по 3 раза в день, как в санатории, завтракают, обедают, ужинают... Теперь и я буду проводить нуждающихся рабочих и пользоваться сам, иначе, борясь впустую, станешь посмешищем. Все же на ближайшем партсобрании поставлю этот вопрос: обслужив[ание] пассажир[ов] и выполнение приказа № 102.

К вечеру охват – 98,4 % раб[отников], не охв[ачено] 2 чел. Сумма 98,8 % к фонду зарплаты.

23 апреля

Вчера Новороссийская комиссия признала, что Соч[инский] вокзал победил в соц. соревновании и заслужил получить переход[ящее] Красное Знамя. Получился крутой разговор мой со Склярком по поводу телеграммы из Туапсе: о кормежке рабочих в столовой 2 раза вместо одного. Я зло посмеялся над его политикой «растяжки» продуктов по его инициати-

¹ ВТ – «воздушная тревога» (сигнал местной противовоздушной обороны)

² ПВО – противовоздушная оборона

ве, тогда как вышестоящее руководство об этом не знает, приказывает кормить рабочих 2 раза.

Сегодня обедал в буфете камбалу и ленивые вареники. Принес кусочек покушать Пане. <...>

25 апреля

Днем из НКВД переодетые 2 агента проникли во все цеха узла, и никто их не спросил, кто они и откуда. <...>

26 апреля

Паня задает мне вопросы: сумеем ли мы с Японией долго сохранять нейтралитет? По-моему, да!

Во-первых, имея главный фронт и главного и опасного врага Гитлера, мы не можем распялываться на два фронта до ликвидации фашистской армии.

Во-вторых, после разгрома гитлеровской армии на западе (а его разгром наступит раньше, чем Японии) мы не в состоянии, вернее, нам некогда будет воевать с японцами, т.к. в освобожденных европейских странах и части СССР надо будет ликвидировать последствия войны: помогать народам (главное, рабочим) самоопределиваться в нашем советском духе. По-моему, это будет главнее, чем война с Японией, которая и без нас будет разбита. <...>

12 мая

<...> По радио передано, что 2/05 на Керченском направлении немцы перешли в наступление – продолжаются ожесточенные бои. В связи с оживлением немцев в Крыму – оживленно в узких кругах коммунистов, разговаривают о возможном десанте в районе Адлер–Сочи. Жены ответ[ственных] работников НКВД опять начали связывать узелки. Моя Паня тоже. <...>

13 мая

Из Сочи отправили 2 эшелона раненых, это у некоторых вызывает тревогу за Сочи. Домой пришел с мешком картошки. В 7 ч. вечера ужинал картошку с килькой и луком – прекрасный ужин. Потом до 2 ч. ночи читал «Порт-Артур», не отрываясь, 4 часа.

14 мая

<...> По радио сообщено, что наши войска отходят в Крыму на Керченском направлении, а на Харьковском перешли в наступление. Не иначе, как наше командование решило отвлечь противника в Крыму, создать впечатление нашей слабости. <...>

18 мая

<...> Неужели сдадим Керчь, по-моему, нет: у немцев не хватит сил его занять – они теперь обязаны из Крыма вытягивать силы для подкрепления на Харьковском направлении. <...>

24 мая

Погода солнечная. Выяснилось, что ночью летал не немецкий самолет, а наш, у которого было на исходе горючее, потому он гудел так, как немецкий, с перебоями «лает». Поэтому его зенитчики обстреляли из пулеметов трассирующими пулями. Самолет хотел сесть на аэродром – пустил ракету, но его не приняли – он сел в Дагомысе, кажется, имел попадания пулемета. <...>

Придя домой, застал гастроном продуктов. Паня с Дикопольцевой закупили сыр, сметану, сахар. <...>

29 мая

Горком вызвал меня и директора трансторгпита и школы 72 Митрофанова. Были по поводу выделения в истребит[ельный] батальон. Странно. Требуют всех способных, без детей, к 16 ч. 30/05, а к 9 ч. утра все руководители со списками рабочих к Задорожному. Что-то вроде паники.

С Комаровым покусались вчера и сегодня по телефону. Он хотел отбояриться от политического руководства объекта ПВО и всунуть меня – хитрец тоже, а вроде притворяется дуручка...

30 мая

<...> Последние дни моя Паня сумела натаскать в изобилии сметаны и набила масла, молоко ежедневно, зелень, лук, редис и т.п., как будто бы нет войны.

31 мая

Дома небывалый случай: Паня сварила щи с мясом и кофе с молоком. <...>

1 июня

Проснулся в 6 ч. – санитары участка принесли таблетки от «дизентерии». Выпил натошак и до 7 ч. еще заснул.

7 июня

<...> Вечером играл с девочкой Алой – дочкой нач[альника] отд[еления] НКВД т. Малявцева. Он и жена уехали в театр, а девочку оставили у нас – девочке лет 6–7, веселая.

По радио слышал, что в США выпускают через каждую минуту – самолет, через 7 минут – танк. <...>

10 июня

Погода ясная. За горой пролетел, по звукам «гу, гу, гу» – фриц. По радио передано, что на Севастополь немцы наступают большими силами. 9/06 на одном участке свыше 2-х полков шли штурмом и были уничтожены – горы трупов. Бои продолжаются – севастопольцы героически отбивают атаки.

12 июня

Погода установилась теплая. Я оделся сегодня по-летнему: рабочий синий костюм, белая рубашка. Вчера говорили, что в море начался период купаться. Питание наладилось у нас. Паня хорошим завхозом или завснабом стала. У ней в изобилии всего: редис вволю, жарит картошку, имеется молоко, сметана, часто клубника. Сегодня к завтраку было сладкое кофе (меняет остающийся хлеб). <...>

Дома вечером Паня рассказала, как ее на базаре водили в комендатуру за хлеб. <...>

16 июня

Вторник – погода жаркая – я выходной – вместе с Паней купались у Ривьеры – 2 часа были на пляже. <...>

22 июня

Итак, исполнился год Отечественной войны – убито и ранено немецких войск около 10 миллионов, красноармейцев – 4,5 миллиона.

27 июня

Погода хорошая, а настроение что-то неважное: неопределенное положение на фронтах – даже с минусом для нас: на Севастополь лезет, на Харьковском направлении тоже. Может, наше командование выжидает 2-го фронта и кое-где играет в стратегические ходы, чтобы дать сразу «мат». <...>

Зарос до пояса, иду в город бриться, а то еще ученики-дети придерутся и посчитают за диверсанта, как вчера одного «старика» в милицию за разговор с детьми о песнях. Он сказал им: «Чего вы поете такие песни (о Сталине), вот придут немцы, тогда вам плохо будет». Жора немец быстро сообразил и побежал в милицию. Ситенко быстро пришел и взял его в отделение, там «старик» стал плакать и просил отпустить его: он имеет и детей – больших двое. Ситенко попробовал за бородку, а она и отстала, за усы – тоже. Вопрос стал ясен. Теперь ребята так и смотрят на «дяденек» с бородами, беря под подозрение.

28 июня

<...> Пошли коллективно на море (Кожевникова Анна Афанасьевна с дочкой Верой, Паня и я), где пробыли до 4,5 ч., зажарились и выкупались славно. <...>

29 июня

<...> Вчера получил письмо из села от жены брата, который был на фронте и ранен в правую руку, находится сейчас в госпитале. <...>

30 июня

<...> Итак, полгода 1942 г. прошло незаметно.

1 июля

Кончился полгода – а 2-го фронта еще нет. <...>

3 июля

Пал Севастополь – фашисты потеряли за 25 дней боев 150 тыс., мы – 11 тыс. убитыми, 11 тыс. раненых, 8 без вести. <...>

5 июля

Пане принесли повестку от военкомата явиться на Комиссию для определения на оборонную работу на Кубань. Я удивился: ведь она полгода еле двигалась, месяц была в больнице и сейчас к физической работе, особенно к земляной, не пригодна. К вечеру вернулась Паня и сообщила, что 6-го завтра надо выезжать: врач признал «годной», не обратив внимания на заявление о состоянии здоровья. Пришлось лично пойти в комиссию, там не с охотой меня выслушали, представитель от военкомата Наговицын пытался даже упрекнуть меня, что я «не помогаю этим приходом в этот тяжелый момент» Я доказал, что именно помогаю, зная Панино здоровье: она будет только обузой для комиссии – придется возвращать обратно. Тогда председатель комиссии Катов согласился с этим и посоветовал принести справку от лечащего врача о болезни и состоянии здоровья сейчас. <...>

7 июля

<...> Вечером Паня сообщила, что комиссия ее в списке вычеркнула от мобилизации.

9 июля

В 11 ч. впервые за войну бомбили фашисты Сочи: сброшено 5 бомб. Паники было много, выявилась неорганизованность на станции. Воздушная тревога была дважды... Домой пришел к 9.30 вечера. Паня возилась с узлами, увязывала на случай эвакуации – об этом во дворе женщины ведут разговоры – трусы! Хотя отчасти они правы, это их осторожность.

10 июля

Сегодня погода опять летняя – надо ждать фрица часам к 11-12. <...>

11 июля

Днем опять была объявлена В.Т. С 4 до 7 вечера. Передают, что Туапсе бомбят ежедневно, по два-три раза. Есть незначительные жертвы.

Дома меня ждал «женский военный совет» для разрешения вопроса об эвакуации на Терек. <...>

12 июля

Погода стоит летняя и летняя, т.е. слегка облачно: удобно для фрица... Вернувшись домой, Клавдия Васильевна предложила зайти к Ивану Адамовичу по вопросу эвакуации. Сходил, посмотрели по карте Северного Кавказа. <...> Решили отправить женщин в своем вагончике. <...>

14 июля

<...> Кавказ не так-то легко взять фрицам: здесь казачья кровь кипит по-платовски и суворовски, образ Ленина вдохновляет, как в 1918–20 годы, голос Сталина зовет к отпору и

разгрому врага. Он будет разгромлен, в этом у меня нет сомнения. Сев. Кавказ ему не взять никогда!

15 июля

<...> Бомбежка города двумя немецкими бомбардировщиками. <...> Дома наши домохозяйки метались по двору, ища убежища, бросаясь в первые попавшиеся отверстия, многие в нижнем белье. Эта вторая бомбежка была внезапна – без объявления В.Т., и не было сделано ни одного выстрела зениток.

22 июля

Воздушная тревога впервые с утра, вероятно, налет на Туапсе – все чаще! Паня уже привыкла: без суматохи оделась и направилась в убежище. Я завтракаю и читаю Толстого «Война и мир». На вокзал уже поздно. <...>

29 июля

<...> Паня сообщила, что все во дворе после сообщения о падении Ростова только и говорят об эвакуации и завидуют тем, кто выехал. <...> Я успокоил ее, что, если нужно будет, и мы уедем. К тому же Комаров вчера «по секрету» сказал, что горком что-то замышляет об эвакуации своих семей, «а мне не говорят, как бы не остаться в дураках – я тоже решил подготвиться самим на всякий случай, закрепить вагончик, а тебя наделяю начальником эвакуационной группы». Я поддержал эту мысль, но самому почему-то стало смешно – неужели дойдет до этого?..

30 июля

Однако шутка плохая – вновь обострение поясничных позвонков – какая досада!.. Особенно надо быть сейчас на ногах: в городе началась индивидуальная, вслед за госпиталем, «эвакуация» отдельных работников (семей): Луценко, Волосухин, Воронова и др. Ладатко волнуется, не знает, как и куда отправить свою беспокойную жену с двумя детьми, который в 18 ч. по секрету сказал мне вчера, что он только что разговаривал с Туапсе: там все семьи командиров отделения эвакуированы. <...>

Комаров что-то в хорошем настроении по сравнению с 29/07: вероятно, договорился с горкомом о включении его семьи в список работников горкома для эвакуации – об этом мне он ничего не сказал и обо мне ни слова, тогда как 29/7 он сильно волновался, боялся за себя и говорил о моей жене. Так оно и случится: ... из всего «руководства актива» придется до последнего оставаться мне. Если я буду на ногах, буду что-то делать, конечно, до последних сил. Если же паче чаяния оставят наши Сочи и я в постели буду, неприятный будет конец! По моему глубокому убеждению, нет (пока) основания в Сочи для паники, которую начинают создавать (сняли коммутаторы, отправка семей), это усиливается долгой стоянкой эшелона с эвакуированными ранеными на вокзале. <...>

4 августа

Был в горкоме, беседовал с К. о поездке на Терек, мое предложение одобрено. Решено эвакуировать. Хотя Комаров пытался протестовать: ходил в горком объясняться.

5 августа

Беженцы из Армавира сообщили о десанте немцев, который разгромлен. Станция разрушена авиацией. <...> Из Белореч[енска] и Армав[ира] идут эшелон за эшелон на Гагры (тупик), где скопилось тысячи беженцев и имущество.

6 августа

Обсуждал с Паней, что можно взять из домашних вещей – жаль бросать, а баракла много, но придется бросить. Вопрос об эвакуации решен бесповоротно. Но с чем ехать. Денег всего 150 руб., а вещи не покушаешь. Путь предстоит трудный и без денег. Неужели горком не может.

Отказаться от патриотических намерений нет сил. Что будет! Пусть история повторится на более высокой ступени. <...>

10 августа

Сегодня 1-ая группа семей ж. д. узла отправится поездом до Гагры: Комаровы, Шкаденко и др.

Сидим в полной готовности: все вещи увязаны в 4 узла, под силу поднять только вдвоем. Что же в них? Личного пользования барахло, в том числе книг 10 шт., головка шв[ейной] маш[ины], продукты и т.п. Эвакоудостоверение получил 8/08. Ждем семью Малявцева, чтобы выехать вместе на машинах «ошксдора», обещают числа 12–13/08, придется обождать, хотя опасно задерживаться.

Экскурсия по городу и на вокзале. Вопросы и ответы граждан: вы куда едете – в Алма-Ату, а там видно будет. А вы – мы до Тбилиси, а оттуда в Среднюю Азию, а может в Армению, не знаем. Начальство себе бронирует машину и организует продовольственную базу: будут ехать организованно, с питанием и получили зарплату и поденные. Почему засекречивают эвакуацию населения Сочи? Факт ведь, что надо эвакуироваться. Вначале должны выехать жены ответ[ственных] работников, затем – кто успеет. А кто же будет защищать территорию, куда бегут люди – ведь с женщинами отступают все и мужское население, и тысячи бойцов. Почему тысячи людей в военной форме бродят по городу и едут в поездах на юг, а враг уже в Армавире?..

11 августа

<...> Уже 8 часов, а Клавдия Максимовна что-то не заходит к нам с сообщениями о «поездке». Неужели они нас не возьмут в последний час?..

12 августа

<...> Во дворе Паню увидела Малявцева и подтвердила, что едем в 7 часов. И все же я не уверен?! По радио передано новое направление – Черкесск!!! Сволочь! Вчера разнеслись слухи, что из Закавказья двигается армия наша навстречу врагу к Туапсе. Это хорошо. Во дворе толки и разговоры о группировках семей выезжающих. Каждый держит в «секрете», кто с кем едет. В 7 ч. 20 м. прибежала Алочка Малявцева – вестник о скором выезде – заявила торжественно: «Ну, тетя Паня, все уедем» и, подпрыгнув, царапнула меня за шею, ласково улыбаясь.

Уже без четверти 11 ч., машины нет. <...>

Вот какие дела. Когда хочешь еще раз отдать все для Родины, не сможешь. Почему бы Кочеткову не организовать быструю переброску. Я бы мог выехать еще 6–7/08, когда враг был еще за Доном или только переходил Дон кое-где. Сейчас же уже под Черкесском. Наверняка, пока я доеду в Орджоникидзе, враг уже будет иметь направление М.-Воды и т.д. Нет таких, каким был Серго¹. Он проникал в душу человека с первых же минут и определял ему свое место, которое становилось необходимостью на исторической арене борьбы. Сейчас же никто тебя толком не хочет понять. Приеду в Орджоникидзе и предложу свой план по использованию казачества:

а) создать отдельную казачью бригаду (отряд равен 2-м полкам) из старых партизан и сыновей погибших партизан гражданской войны под моим командованием;

б) дать мне помощника и начальника штаба – военного с хорошим образованием и комиссара. Остальной аппарат командиров подберу я лично;

в) действовать в тылу врага;

г) провести в печати и приказах, постановлениях массов[ые] разъяснит[ельные] о создании такого отряда и задачи общие.

12/08 (продолжение). Сегодня необычный день: сижу в комнате в ожидании машины, ничего не делаю и пишу в дневник все, что лезет в голову и в глаза. <...>

В 18 ч. Паня пришла от Малявцевых и сообщила, что едем сегодня бесповоротно. Пропуск получен на машину до Сухуми. Машина будет через несколько минут. Только будет небольшой конфуз. У нас («попутчиков») вещей будет больше, чем у хозяев.

¹ Орджоникидзе Григорий Константинович (Серго) (1886–1937) – советский государственный, партийный деятель. В годы гражданской войны, когда Орджоникидзе возглавлял борьбу за Советскую власть на Северном Кавказе и Закавказье, А.З. Дьяков был его сподвижником, командовал крестьянской Красной Армией Сунженской линии Терской республики. См. об этом: И. Разгон. Указ.соч. С. 221–222.

<...> В 22.30 т. Малявцев сообщил, что машина будет в 5 час. Завтр: «ЗИС» для вещей и автобус для людей. Всех НКВД и нас две семьи. Стащили свои вещи к Малявцевым. В 11 ч. пошли спать. <...>

13 августа

Проснулся в 4.30, весь мокрый от пота. Открыл окна – во дворе ясное и прохладное утро. Сильная роса. Каплет с крыши. Мимоза под окном чуть заметно распускает листья. Абсолютная тишина, только прорезает резко паровоз на станции. Приказ коменданта выполняется строго: до 5 часов нет хождения и езды. Вышел во двор, умылся под краном и почувствовал так хорошо, будто бы нет никакой войны. <...>

Вот уже 5 часов, затем 5.30, а машины все нет. Иван Адамович Малявцев прошел мимо окна в отделение – озабоченный, измученный. Слышу под окном: Алексеева бабка разговаривает с Марой Астафьевой, говорит: «Я никуда не еду: куда ж нам – убьют всех и нас убьют, а може, и останемся – проводила свою невестку с двумя ребятами, дала ей масло и денег, пускай едут...».

Встала Паня. Приготовилась к погрузке. Сидим у открытого окна. Приятно, но скучно и досадно. Уже 5 ч. 45 м., а машины нет. Паня подсчитала стоимость оставленных вещей – почти на 2500 р. Вздохнув, сказала: «Жаль все. Даже цветы...»

В 8.30 тронулись в путь...

13/08 (продолжение). Едем хорошо. Прибыли в Сухуми в 17.30. Путь 9 часов. Виды поразили своей красотой. Весь путь пестрит эвакуированными на машинах и пешком. Есть и на лошадях. До Сухуми проверяли документы машин 14 раз = 14 заград. застав. Один раз у меня проверили эвакуационное удостоверение. В Гаграх сделали привал, обедали и купались последний раз в море. Многие женщины сильно устали, до головокружения, некоторые до рвоты.

31 августа

Сегодня заканчивается август. Мы сидим в селе Дигоми в 4-х километрах от Тбилиси. В это село мы приехали 15/08 по распоряжению зам. председателя совнаркома Грузии тов. Хаштария. <...> Устроились неплохо – в одном из классов школы 7-летки. Зачислены в список на получение хлеба по 800 гр. ежедневно. Съедаем половину, а остальное женщины меняют на молоко, яйца и пр.

Живем в школе (2 недели) с первого дня. Расположившись в школе, стояла военная часть, топографический отряд человек до 150, которая установила свой военный режим, выдали нам пропуска и запретили выглядывать в окошки. <...> Одним словом, связали нас по рукам и ногам. К тому же в нашу комнату вселили военного фельдшера с «женой» (одна комсомолка из Туапсе – Тамара). Отряд выехал 29/08. Теперь мы уже второй день единственные обитатели школы-казармы. Скучно и в то же время спокойно, отдыхаем настоящим образом от галдежа, какой стоял в школе. За это время успели переболеть желудком все. Я особенно мучился целую неделю. Причина – плохая вода и без горячей пищи. Как мы рады были, когда нам соседи (военный фельдшер и Тамара) оставляли полтарелки красноармейского супу, хватавшего по 2-3 ложки на каждого.

Вчера, оставшись одни в школе, мы сварили хороший мясной суп с молодой козлятиной (около кило за 2 кило хлеба), манную кашу на молоке, кофе с молоком. <...> Второй день мы чувствуем как дома. <...>

Когда красноармейская часть ушла, сразу же ребяташки и бабы полезли в школу и стали тащить все, что попало под руки – я с палкой разогнал. <...>

В нашей комнате обстановка ничего себе: бюст Шота Руставели, портреты Сталина, Кирова и Андреева, схема Сталинской Конституции, радио, много столов. Постель соорудили из столов, скамеечек и листов от учебной доски. <...>

Население к нам в массе отнеслось безразлично, а руководящий актив хорошо, даже любезно. Угощали вином и т.д. Сегодня зашел к нам председ[атель] сельсовета и предупредил, что школа начнет работать с 1/09 – завтра, и нам будет указана комната для перехода. Побеседовал с ним о международном положении. В Грузии началась мобилизация. Из сотни вызванных по повестке явилось всего 2 человека. Кое-кого арестовали. Видать, гитлеровская агентура работает здорово (из старых меньшевиков). <...>

Завтра или послезавтра пойду в ЦК окончательно договориться о работе. План мой о военной экспедиции на Северный Кавказ пока не увенчался успехом. <...> Придется согла-

ситься на какую-либо партийную работу. В Орджоникидзе лично выехать трудно. Выехать-то можно, но где оставить Паню...

Что делается на вокзале – Великое переселение народов. Кто оседает как сквозь сито или решето в Тбилиси, остальные едут в Закаспий, Баку, Эриван и т.д. На перронах, на тротуарах и всюду, где можно расположиться с вещами, сидят женщины с детьми: истомленные, нервные до злости, обессиленные в ожидании поезда или назначения. Хлеб по эвакуодостоверениям дают с большими трудностями, до драки. Не хватает кипятку, недостаточно горячей пищи в буфете. <...>

На зиму в Дигоме не советуют оставаться: грязно и холодно зимой. Работать в городе и ходить 4 километра в село – это просто невозможно, черт возьми! Если бы у меня не было перспективы пробиться в Орджоникидзе, я бы не эвакуировался из Сочи. Многие помышляют о поездке за Каспий, боясь проникновения немцев в Закавказье. Я же не допускаю этой мысли, чтобы немцы пришли в Закавказье.

Пошли женщины в колхоз и к вечеру принесли 3 кило помидор и кило персиков. Я раздул костер варить ужин. Во время варки старик – сторож сада – слышу, кричит: «Эй! На!». Смотрю: дает штук пять сорванных с дерева красных персиков. Я поблагодарил, тут же, вынув из кармана коробку спичек, «отдарил» старику. Он, видно, был очень рад: для него это было неожиданно. Затем проходила женщина с мальчиком мимо – я стоял у костра с Паней – подходит мальчик и дает мне 5 персиков и 2 яблока. Я поблагодарил, но нечем «отдать». Приглашаю зайти к нам на квартиру, там я подарю ему блокнот, но он не понимает – уходит к матери. <...>

1 сентября

Приходится сожалеть, что не знаю грузинского языка. «Русская лень», как вчера сказал один грузин: «Есть люди из русских, живущих в Тбилиси по 15–20 лет, не могут говорить по-грузински». <...>

В 17 ч. вдруг началась зенитная стрельба по вражескому самолету. Слышны были взрывы на военной грузинской дороге, наверное, сбросили туда. <...>

2 сентября

Директор школы беседовала с нами о будущей бомбежке Тбилиси и окрестностей – очень боится. Высказалась, что она не уйдет, если придет немец: «Куда идти без денег, а как оставаться партейцу». Видимо, она партийная. Я успокаивал ее, что немец в Грузию не придет. <...>

Скучно без дела... Опять начал читать «1001 ночь». Однако скучная эта писанина – только и читать в период изгнания или как мы сейчас – «эвакуированные». Паня от скуки пересмотрела некоторые чемоданы и нашла, что много мы тащили тряпки зря. <...>

3 сентября

В 7.45 пришел председатель, увидев меня, любезно приветствовал и сообщил, что сейчас покажет комнату. <...> Оказался хозяин – старичок 76 лет, бывший священник, прекрасный каменный дом. <...>

5 сентября

Всю ночь ворочался, вставая, и бил блох и клопов. Это безобразие. Мух тоже много. Комната хорошая, если бы не эти насекомые. Кроме того, чуть свет – часов в 5 – возле окна по улице начался страшный шум и крики женщин, гоняющих стада в поле. <...>

В селе стало бродить больше русских женщин (беженцев) и еще блуждают военные, ищут свои части и семьи.

6 сентября

Воскресенье. День моего рождения – 50 лет. <...>

Итак, значит, я прожил 50 лет – полвека. А кажется, что я только начинаю жить настоящему, осмысленно. Вспоминая весь прожитый путь, он все же очень долгий и тяжелый. Радостных дней в жизни было очень мало. В детстве бедность: голодовка и прочие недостатки в неграмотной большой семье. С 10 лет по найму. На пути – 3 войны, из них 8 лет – личного участия в солдатской шинели. После революции – участие в восстановительной работе нового государства на различной работе рядового и среднего работника при ограни-

ченных материальных условиях. Неудачные семейные отношения. Выросли 2 сына, но близко их нет и как будто не было их со мной. Всю жизнь мечтал, боролся, старался добиться что-то для себя, для семьи, но все как-то рассеивалось. В Отечественной войне тоже еще не нашел своего места: куда-то рвусь к высшему, но не вяжется – даже не осмыслю, как я сегодня очутился в селе Дигоми солнечной Грузии без определенного дела, а делать я еще мог бы кое-что.

8 сентября

Утром встал, умылся из-под крана. Дети из Краснодарского детского дома – грязные, оборванные, изнуренные. 2-месячные скитания в пути и сейчас в вагонах. Расспрашивали меня и сами рассказывали о себе: не знают, куда едут, питание стало плохое, одежка оборвалась, «но вчера нас водили купать» – едут за Каспий. <...>

10 сентября

<...> Перед Дигоми на дороге узнал меня один боец – оказавшийся тов. Клевцов – рабочий ПЧ-12 ст[анции] Сочи. Посидели с ним около часу, рассказал, как они отступали через Дон – непрерывно, без боя – и очутились в г. Тбилиси. Ругал командиров, называл предателями, были случаи организованного перехода на сторону врага. Он чуть было не попал в плен – уползли два человека. В Красной Армии он с ноября 1941 г. Семья осталась у врага в Лабинской. Сейчас их полк готовится на Северный Кавказ – обратно на позиции. Большую радость, видно, вызвала у него встреча с нами в горах Грузии по глухой дороге в степи.

11 сентября

<...> Ходил днем в сельсовет, слушал радио и передал паспорта для прописки. Хозяйина дочь предложила свой репродуктор для пользования с условием, чтобы мы оплачивали. Пришлось сердечно благодарить – это находка в селе. Сразу же пристроил и слушал до конца дня.

12 сентября

Собрался в город в ЦК для окончательного разговора о моей работе здесь или на Северном Кавказе. <...>

14 сентября

Сегодня прошла ночь беспокойно: часов в 12 – на час В.Т. – налет на Тбилиси врага. Длилась В.Т. 2 часа, зенитки работали 25–30 мин. Сплошная огневая завеса над городом. <...>

С завтрашнего дня начинаю служить на новом деле – сложном деле. <...>

15 сентября

<...> В 12 ч. состоялось свидание и первое знакомство с моими сотрудниками – будущими соратниками. Одному из них 17 лет. Ребята все смелые и разговорчивые, только один из них молчит и глубоко задумчив. <...> Паня тревожилась скорой разлукой в связи с моей разъездной и опасной работой и ближайшей командировкой, возможно, длительной. Я старался подчеркнуть, что работа, как у многих в данный военный момент, связана с опасностью всюду, и не исключение, если даже что со мной случится в пути. Она молодец все же, как и все русские женщины.

22 сентября

<...> В 20–21 час, когда я уже заснул, вдруг машина остановилась у парадного и стук в дверь. Оказалось, комиссия представителей из Москвы обследовала положение эвакуированных в Закавказье и в Дигоми. Попросили выйти и ответить на ряд вопросов: как устроена семья, квартиры, питание, обращение и т.п. Я дал положительный отзыв, особенно [о] председателе сельсовета. <...> Видно из этого, что т. Сталин распорядился позаботиться об эвакуированных в Закавказье, где до сотни тысяч скопилось и много, безусловно, в тяжелом положении. Мы в частности, выехав при более спокойной обстановке, и то чувствуем неважно, что же другие испытывают?

23 сентября

В 7 ч. слушал в колхозе радиопередачу: неприятные известия всюду. <...> Пока все он наступает – спешит до зимы захватить больше. Видно, внутри Германии нет ничего угрожающего фашизму – союзники молчат.

1 октября

Сегодня выяснилось, что мы едем туда, где моя помощь Красной Армии будет полезна. До свидания, моя дорогая Панюша, не беспокойся за меня, я думаю, со мной ничего страшного не случится. Там, где я буду, тысячи бойцов. А если что случится – не поминай лихом. Помни, что ты для меня была не только милой дорогой женой, но и самым надежным другом и товарищем. Такой я буду всегда помнить и буду стремиться скорее встретить тебя. Повторяю, что если что случится, не теряй связи с сыном моим Виуленом, он нас любил и тебя не забудет... Целую. Шура.

За 1942 г. записей больше нет.

(Продолжение следует. Начало в № 4. 2010).

